

Николай Добролюбов

Роберт Овэн и его попытки общественных реформ

Николай Александрович Добролюбов

Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120565*

Аннотация

Статья Добролюбова – одно из первых обращений русской революционной демократии к опыту европейского утопического социализма. Она, несомненно, дала толчок к дальнейшему развитию социалистического учения. Источником биографических сведений Добролюбову послужил очерк «Роберт Оуэн» французского писателя Луи Рейбо. Добролюбов критически отнесся к основной тенденции книги – к опровержению утопического социализма с позиций буржуазии, к идеям примирения с обстоятельствами, послушания и терпения. Тенденция добролюбовской статьи – прямо противоположная. Биография Оуэна для Добролюбова – великолепная возможность для пропаганды и воспитания социально активного человека. Поэтому личность Оуэна с ее могучим творческим и волевым потенциалом, беззаветно отданным улучшению жизни трудящихся, оказалась в центре внимания русского критика.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Николай Александрович Добролюбов

Роберт Овэн и его попытки общественных реформ

Вступление. — Первоначальная деятельность Овэна и принятие им в управление Нью-Лэнэркской хлопчатобумажной фабрики. — Состояние фабрики до него: эксплуатация работников капиталистами как причина дурного хода дел на фабриках. — Идеи Овэна и меры, принятые им для улучшения Нью-Лэнэрка, — Восстановление доверия между хозяином и работниками на фабрике; училище в Нью-Лэнэрке, по методу Овэна. — Общее внимание обращено на Нью-Лэнэрк. — Временный успех Овэна, объясняемый состоянием английского общества в начале нынешнего столетия и ошибочным пониманием стремлений Овэна во всей Европе. — Адрес Овэна Ахенскому конгрессу. — Действия Овэна в парламенте, его пропаганда, борьба с клерикальной партией. — Путешествие в Америку и основание колонии Нью-Гармони. — Возвращение в Европу и основание Орбистонской колонии, под управлением Абрама Комба. — Новое путешествие в Америку и переговоры с мексиканским правительством о Техасе. — Деятельность Овэна по возвращении в Англию: про-

паганда, участие в восстаниях и предприятиях работников; «Обмен народного труда»; «Дружеское общество рабочих» в Манчестере. — Поездка Овэна во Францию. — Основание колонии Гармони-Голль. — Представление королеве Виктории. — Манифест Роберта Овэна по этому случаю. — Последние годы жизни Овэна. — Заключение.

Овэн представляет собою бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия. Недавно (17 ноября 1858 года) угасла его жизнь, полная смелых предприятий и великодушных пожертвований на пользу человечества, и никто, даже из врагов его идей, не отказался помянуть его добрым словом. Личность Овэна до того привлекательна своим умным добродушием и каким-то благодатным, светлым спокойствием, его деятельность до того поражает своим полным бескорыстием и самоотвержением, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальные реформы, не могли, однако же, относиться к его личности без особенного уважения и даже некоторого сочувствия. Его обвиняли как утописта, мечтающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположения Овэна были осуществимы. Лучшие умы нашего столетия выражали свое сочувствие Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время

благосклонно заинтересованы его начинаниями.

В одном из некрологов Овэна мы нашли, между прочим, следующее известие: «Император Николай, бывши еще великим князем, посетил Нью-Лэнэрк и, осмотревши учреждения Овэна – детский приют, жилища работников, мастерские, – долго с ним разговаривал и в заключение сказал ему: «Ваше отечество переполнено населением; переходите в Россию миллионами с двумя ваших соотечественников и организуйте их в общины, точно так, как здесь; я охотно приму их». Овэн сам любил рассказывать это и немало радовался тому, что Россия изъявляла таким образом готовность дать основание для практического осуществления его системы, основанной на началах свободы и братства» («Allgemeine Zeitung», № 328)^[1]. Свидетельствуя о том, как наглядны были выгоды системы Овэна даже для неприготовленного взора, – факт этот в то же время мог бы быть очень лестным для нашего национального самолюбия, если бы в самом деле у нас были хоть сколько-нибудь распространены сведения об Овэне и предположенных им общественных реформах. Но, к сожалению, не только подробности теоретических соображений Овэна, не только практические его попытки, но даже самое имя его до сих пор почти неизвестно большинству даже образованной публики. Вот

---

^[1] Рассказ о посещении Оуэна Николаем I был исключен цензурой из публикаций статьи в «Современнике» и в изд. 1862 г. Об этом посещении рассказывается в «Былом и думах» (Герцен, XI, 207–208).

почему мы считаем небесполезным познакомить наших читателей с жизнью и мнениями этого замечательного человека, почти три четверти столетия, в Старом и Новом Свете, безукоризненно служившего человечеству.

Роберт Овэн родился в 1771 году в Ньютоне, небольшом городке графства Монгомери. Родители его были бедные люди и потому не могли дать ему хорошего теоретического образования. Заботясь только о том, чтобы сын их имел возможность впоследствии добывать себе хлеб, они предназначили Роберта с самого раннего возраста к чисто практической деятельности. Девяти лет он был уже сидельцем в лавке одного купца и очень рано выказал необыкновенную практическую сметливость. В качестве купеческого приказчика и поверенного он разъезжал по разным городам и местечкам Англии и в этих поездках и торговых сделках приобрел множество практических сведений и даже успел составить себе некоторый достаток. Восемнадцати лет Овэн был уже в доле у основателя обширной хлопчатобумажной фабрики, Дэля, на дочери которого потом он женился. Через несколько времени Дэль и совсем сдал на руки Овэна свою фабрику, с которой никак не мог справиться. Это было в 1789 году, и отсюда начинается блестящий период практической деятельности Овэна^[2].

---

^[2] Сведения из биографии Оуэна излагаются неточно. В 1789 г. Оуэн вместе с одним своим другом организовал заводик по производству прядильных машин. В 1791 г. он стал управляющим огромной прядильной фабрики Дринкуотера в Манчестере. Что же касается фабрики Дейла в Нью-Ленарке, то Оуэн вместе с

Чтоб оценить значение того, что здесь им сделано, нужно предварительно познакомиться с положением фабрики в то время, когда она попала в руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась в Шотландии, на берегах Клейда. Дэль основал здесь колонию Нью-Лэнэрк и выбрал для фабрики место, в котором падение вод Клейда представляло особенные удобства для гидравлических сооружений. Это обстоятельство было чрезвычайно важно в то время, когда приложение пара к фабричным производствам было еще неизвестно. Но, кроме этого удобства, Нью-Лэнэрк не имел никаких залогов успеха и скоро пришел, под управлением Дэля, в крайнее расстройство. Фабрика была основана в обширных размерах, и работников на нее требовалось много; при этом, конечно, нельзя было делать слишком строгого выбора. А между тем фабричная работа по самому существу своему не была в то время особенно привлекательна. Индустриализм только что начал тогда в Англии приходить в силу, и первый принцип, приложенный им к делу, был – эксплуатация рабочих сил посредством капитала. Разумеется, работникам не было сладко от этого, и на фабрики шли люди только оттого, что им было некуда деваться. Понятно, что такие люди, принимаясь за фабричную работу при таких обстоятельствах, не обнаруживали слишком большого усердия к своему делу.

несколькими компаньонами купил ее у будущего тестя в 1799 г. и стал ее директором с января 1800 г.

Они знали, что как ни работай, а все-таки много не получишь с хозяина, который только и норовил, чтобы выжать из работника сколько можно больше выгоды для себя. Вследствие таких понятий и такого порядка вещей установились почти повсюду враждебные отношения рабочего класса к подрядчикам и заводчикам, — и обратно. Хозяин смотрел на своих работников как на вьючных скотов, которые обязаны за кусок насущного хлеба работать на него до истощения сил; работники, в свою очередь, видели в хозяине своего злодея, который истощает и мучит их, пользуется их трудами и не дает им ни малейшего участия в выгодах, ими же ему доставляемых. Само собою разумеется, что не везде в одинаковой степени проявлялась эта неприязнь, потому что не все хозяева с одинаковым бесстыдством эксплуатировали работников; но основа взаимных отношений между теми и другими везде была одинакова. Основатель колонии Нью-Лэнэрка, Дэль, был несколько не хуже — и даже, может быть, лучше — многих других фабрикантов; но, следуя обычной системе обращения хозяев с работниками, он ничего не мог сделать с ними. Невыгоды его положения увеличивались еще тем, что народ, собравшийся к нему на фабрику, действительно был избалован и развращен. Это был всякий сброд из разных стран, невежественный, ленивый и безнравственный. Таким образом, скоро Нью-Лэнэрк даже превзошел в нравственном безобразии другие мануфактурные колонии, вообще не отличавшиеся нравственностью. Вместе с

равнодушием к работе явилась склонность к лени и праздности; ничтожность заработной платы, сравнительно с годами всего предприятия, и невозможность без чрезвычайных приключений выбраться из печальной колеи наемного работника – производили недовольство, которое мало-помалу переходило в беспечность о будущем, равнодушие к своей участи и наконец в тупую апатию ко всему хорошему. Когда же, таким образом, внутренняя опора честности и порядочности, внутренний возбудитель к деятельности – исчезали, тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. В Нью-Лэнэрке было 2000 человек, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десяток людей, хоть несколько порядочных. Пьянство господствовало между всеми работниками в самых страшных размерах. Ни один работник не мог сберечь никакой безделицы из своего жалованья: все пропивалось... Если недоставало своих денег, то нипочем было – украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать под замками; чуть что плохо лежало, – ничему спуску не было в Нью-Лэнэрке. Такое милое поведение обеспечивало, разумеется, вечные ссоры, беспокойства, жалобы и беспорядки в колонии. Все были на ножах друг против друга, никто не мог ни на кого положиться, никто не считал безопасным себя и свое имущество... Ко всему этому присоединилась путаница семейных отношений, безобразно стоявших на полдороге от формалистики пуританства к практике мормонизма или

хлыстовщины. При всеобщей бедности и пьянстве работников это имело вид грязный и гадкий более, нежели где-нибудь. Семейство не существовало; дети оставались не только без образования, но даже без всякого призора; и как только они немножко подрастали, их брали в работу на фабрику. Чему они тут могли научиться, об этом уж и упоминать нечего; но, кроме нравственного вреда, и для самого их здоровья преждевременные, однообразные работы на фабрике были чрезвычайно губительны. Большая часть тех, которые не умерли во младенчестве из-за небрежения старших, погибала в раннем возрасте, среди изнурительных работ и беспорядочной жизни на фабрике. Таким образом, вся колония, испорченная и расстроенная в настоящем не имела никаких шансов и в будущем: нельзя было надеяться даже на то, что вот через несколько лет подрастет новое поколение, которое будет лучше предыдущего.

Дэль долго бился с своими работниками, употребляя для их исправления обычные средства хозяев: брань, строгие приказания, уменьшение жалованья, вычеты, лишение места, судебное преследование. Ничто не помогало. На место прогнанных поступали новые работники, и как бы они ни были хороши сначала, общий поток увлекал и их спустя несколько дней по их вступлении на фабрику. Работники, у которых убавляли жалованье, старались зато более лениться и не чувствовали особенной разницы в своем положении, потому что ведь и прежде они пропивали все, что получа-

ли: конец концов выходил все тот же. А уж если недоставало и на выпивку, то всегда было под рукою легкое средство — украсть... Лишения места решительно никто не боялся, потому что никто не дорожил местом; а брань хозяина даже намеренно вызывалась, потому что многие не без приятности видели раздражение и беспокойство своего врага. Словом — не было, по-видимому, никаких средств улучшить положение фабрики и самой колонии, когда Дэль передал управление Нью-Лэнэрком Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчатобумажную фабрику Дэля, Овэн нашел, что доходы с нее были чрезвычайно ничтожны. Он немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операции. Первое, что ему бросилось в глаза, было дурное качество товаров, приготовляемых на фабрике, и дурной ход всех фабричных работ. Зло, следовательно, заключалось не в посторонних помехах и затруднениях, а внутри, в особенных недостатках фабричного производства. Раз убедившись в этом, Овэн решился для успеха предприятия переделать организацию фабрики и всей колонии. Он не хотел долго ждать, пока переменятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди и родятся новые поколения. Двадцатилетний юноша, полный энергии и уверенности в себе, он полагал, что сам может создать обстоятельства, какие ему нужны, и с помощью новой обстановки преобразует тех же самых людей, которые теперь казались ни к чему не годными. Несмотря на молодость свою, Овэн в это время обладал

уже большою опытностью и отлично знал людей. Разъезжая по разным частям королевства, имея дело со множеством разнообразных лиц, он особенно поражался всегда громадностью того влияния, какое имеют на человека окружающие его обстоятельства. Постоянные наблюдения и размышления привели его к мысли, которая с течением времени все крепла в нем и наконец сделалась девизом всей его деятельности. Мысль эта заключалась в том, что человек по натуре своей ни зол, ни добр, а делается тем или другим под влиянием обстоятельств. В этом заключении Овэн представляет средину между мрачными теориями средневековых фанатиков и розовым воззрением Руссо. По средневековым теориям, память о которых не исчезла и поныне в католической Европе, человек от природы – *зол*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания